АЛЕКСАНДР ГЛЕМБОЦКИЙ

НАКАЗАНИЕ НЕИЗБЕЖНО

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Александр Глембоцкий

Наказание неизбежно

«Автор»
2026

Глембоцкий А.

Наказание неизбежно / А. Глембоцкий — «Автор», 2026

Иногда самое страшное — не когда убивают. А когда рядом кто-то молчит.История о том, когда кто-то решает, что имеет право выровнять мир. О городе, где справедливость не приходит сверху. И о том, что за неё всегда платят — кто-то жизнью, кто-то правдой, кто-то памятью.

© Глембоцкий А., 2026
© Автор, 2026

Александр Глембоцкий
Наказание неизбежно

Глава 1:

«Сердце — это мышца. Ему нельзя приказывать. Ему можно только не мешать.»

Телевизор говорил.Он говорил всегда — утром, днём, вечером. Говорил ровно, уверенно, с той интонацией, которая не предполагает возражений. В новостях показывали войну. Не ту, далёкую, где-то за горами, а свою, родную, которая шла каждый день на улицах, в подъездах, в магазинах. Диктор называл цифры. Цифры были большие. Они ничего не значили.

Юра сидел в кресле, откинувшись назад, и смотрел не на экран, а сквозь него. В руке — пульт. Большой палец лежал на кнопке, но не нажимал. Переключать было некуда. Везде было одно и то же: ток-шоу с криками, сериалы с красивой жизнью, криминальные сводки с лицами, которые он уже не запоминал, и эротика, которую показывали после одиннадцати, как будто она могла что-то изменить.

За окном был вечер. Серый, тяжёлый, с тем самым светом, который бывает только в конце девяностых — когда фонари горят, но не освещают, а только обозначают, что где-то там, в темноте, есть ещё люди.На кухне гремела посудой Женя.

— Юр, ты будешь суп?Он не ответил сразу. Вопрос дошёл до него с задержкой, как будто шёл через воду.

— Да, — сказал он. — Буду.

Она что-то ещё спросила — про хлеб, кажется, — но он уже не слышал.

В голове снова зазвучал голос врача.«Церебральный атеросклероз. Вам тридцать лет, Юрий. Тридцать. Сосуды головного мозга изношены, как у шестидесятилетнего. Это может привести к транзиторной ишемической атаке. По-простому — к микроинсульту. Возможны провалы в памяти, головокружения, обмороки. Нужно беречь себя. Никаких сильных нагрузок, диета, и обязательно, курение вам запрещено.»Врач был молодой. Моложе Юры, наверное. Он говорил быстро, не поднимая глаз от карты, как будто зачитывал приговор, который уже был подписан кем-то другим. Он не смотрел на Юру. Это было самое страшное — не то, что он говорил, а то, что он не смотрел.«Вам нельзя нервничать. Нельзя поднимать тяжёлое. Нельзя бегать. Нельзя…»Нельзя. Нельзя. Нельзя.Юра усмехнулся. Тихо, одними губами. В этом мире нельзя было ничего. Нельзя опаздывать. Нельзя ездить в некоторые районы. Нельзя смотреть в глаза власть имущим. А теперь ещё и голове нельзя.За окном что-то грохнуло. Не взрыв — просто упало что-то тяжёлое. Юра даже не обернулся. Привык.

— Юр, ты слышишь?

Женя стояла в дверях кухни, вытирая руки о полотенце. На ней был брючный костюм, жена ещё не переодевалась после работы. Она смотрела на него, и в её глазах была та усталость, которая появляется не от работы, а от жизни.

— Слышу, — сказал он. — Суп.

— Не суп. Я спрашиваю, ты меня слышишь вообще?

Он повернулся к ней. Медленно, как будто каждое движение отдавалось где-то в висках.— Слышу, Жень. Всё я слышу.

Она не ответила. Просто смотрела на него ещё секунду, потом развернулась и ушла обратно на кухню. Между ними всегда было так: она спрашивала — он отвечал. Она ждала — он не приходил. Она уходила — он оставался.На экране снова сменилась картинка. Теперь показывали какого-то мужчину в дорогом костюме. Он говорил, что всё под контролем. Что ситуация стабильна. Что власть делает всё возможное. Юра смотрел на его лицо и думал: «А если бы тебя не стало прямо сейчас? Что бы ты сказал?»Он представил это на секунду. Как этот человек хватается за грудь. Как падает. Как его дорогой костюм пачкается о грязный пол сту-

дии. И как диктор за кадром говорит: «Мы прерываем передачу. У нас плохие новости».Юра улыбнулся. Первый раз за день.— Ты чего? — спросила Женя из кухни.

— Ничего, — сказал он. — Хорошие новости.Она выглянула, посмотрела на экран, потом на него.

— Юр, ты пугаешь меня иногда.

— Я знаю. — он сказал это без злости.

Просто как факт. Как будто пугать её было частью его работы. Как будто он уже давно не тот, кем был, и она это видит, но не может сформулировать.Женя вернулась на кухню. Загремели тарелки. Юра снова посмотрел на телевизор.Там снова была война. Снова цифры. Снова лица.Он положил пульт на подлокотник и приложил руку к виску. Голова была тяжёлой, ноющей, как будто внутри кто-то медленно сжимал кулак. Врач сказал, что это пройдёт. Врач сказал, что надо беречь себя. Врач сказал много чего.

— Тридцать лет, — прошептал он. — Тридцать.За окном снова что-то грохнуло. Телевизор продолжал говорить. Женя продолжала греметь тарелками. И Юра подумал: «А может, это и есть жизнь? Просто сидеть и ждать, пока что-нибудь не случится?»Он не знал ответа. Но впервые за долгое время ему захотелось его найти.---На кухне пахло супом и подгоревшим хлебом. Женя поставила тарелки на стол, села напротив, подперла щёку рукой.— Ну, рассказывай. Как день прошёл?Юра смотрел в тарелку. Ложка в его руке двигалась медленно, как будто сама по себе.— Нормально, — сказал он. — Как обычно.— Как обычно — это как? — Работал. Потом… — он запнулся, но она не заметила. — Потом зашёл к врачу.— И что? Он поднял на неё глаза. Женя смотрела спокойно, без тревоги. Для неё «врач» — это была рутина, как очередь в поликлинике, как таблетка от головы. Она не знала.— Сказал, что всё в порядке, — соврал он. — Велел меньше нервничать.Женя усмехнулась.— Ну, это он зря. Тебе меньше нервничать — это как мне меньше готовить. Невозможно.Она начала рассказывать про свою смену — про какую-то женщину, которая устроила скандал в очереди, про начальницу, которая опять забыла подписать бумаги, про то, что зарплату опять задержали. Юра слушал вполуха. Её голос был тёплым, привычным, как радио на кухне. Он не вслушивался в слова — он слышал интонации. И в этих интонациях было что-то, что вдруг показалось ему невероятно важным.«Церебральный атеросклероз. Вам тридцать лет.»Он смотрел на её руки. На то, как она держит ложку. На то, как она поправляет волосы, когда говорит. На то, как она устала — не от работы, а от жизни. От него. От этого города. От всего.И вдруг он понял, что не хочет больше сидеть и ждать. Не хочет думать о том, что будет завтра. Не хочет быть пациентом. Он хочет быть живым.Он отодвинул тарелку. Резко. Женя замолчала на полуслове.— Юр, ты чего?Он встал, обошёл стол и схватил её в охапку. Она вскрикнула — не от страха, от неожиданности.— Ты с ума сошёл? — засмеялась она, пытаясь вывернуться. — Юра! Пусти! Я же в костюме, я суп не доела…Он не слушал. Он уже тащил её в спальню, по пути стягивая с неё одежду, которая цеплялась за углы, за дверные ручки, за всё на свете. Она всё ещё смеялась и шутливо отбивалась, но в её смехе было что-то новое — удивление. Настоящее.— Давно ты таким не был, — выдохнула она, когда он прижал её к стене в коридоре. — Ты что, правда с ума сошёл?— Может быть, — сказал он.В спальне было темно. Только свет из коридора — тонкая полоска на полу. Он опустил её на кровать и навис сверху. Она смотрела на него снизу вверх, и в её глазах было что-то, чего он не видел уже много лет. Не привычка. Не усталость. Ожидание.Он не стал ждать. Он вошёл в неё сразу, без прелюдий, и она сморщилась — от неожиданности, от сухости, от того, что это было слишком быстро. Но через несколько секунд её тело расслабилось, руки легли ему на спину, и она выдохнула — уже не от боли, а от чего-то другого.Он не отпускал её. Целовал грудь, губы, шею, уши — как будто пытался насытиться её телом. Как будто это был последний раз. Как будто завтра уже не будет.Она стиснула его ногами, и он почувствовал, как она напряглась, как её дыхание сбилось, как она достигла пика. Через мгновение он вышел из неё и кончил ей на грудь — обильно, как будто выплёскивал из

себя всё, что накопилось за эти дни, месяцы, годы.Потом он лёг на спину и уставился в потолок. Сердце билось быстро, неровно, но он не думал о нём. Он вообще ни о чём не думал.Женя отдышалась, повернулась к нему. В темноте было видно только очертания её лица.— Что на тебя нашло? — спросила она тихо. — Ты таким не был… со времён молодости.Он улыбнулся. Не ей — потолку. Потолок был безопаснее.— Соскучился, — сказал он.Она ничего не ответила. Просто положила голову ему на плечо, и он почувствовал, как её дыхание становится ровным. Она засыпала. А он лежал и смотрел в потолок, и в голове снова звучал голос врача.«Вам нельзя нервничать.»Он усмехнулся.— Ага, — прошептал он в темноту. — Уже.---Нельзя. Всё нельзя. Плевать.Юра взял пачку сигарет, посмотрел на спящую жену и вышел на балкон курить. Как же всё достало, размышлял он. Все запреты. Вечные запреты. Нельзя. Не должен. Не должно. Почему всё складывается в это?Его размышления привели его к состоянию, похожему на медитацию. В голове крутились разнообразные мысли. Юра не заметил, как простоял довольно-таки долго — примерно часа два. Ощутил только то, что начал замерзать. Всё-таки ранняя осень давала о себе знать. Выкурил ещё одну сигарету и щелчком отбросил окурок на мостовую. Он понял: с завтрашнего дня он начнёт жить жизнь по-другому.На балконе было холодно. Ранняя осень уже давала о себе знать — не снегом, не морозом, а тем сырым, пронизывающим холодом, который пробирается под одежду и остаётся там.Юра вышел в одной футболке. Специально. Как будто хотел почувствовать, что ещё что-то может чувствовать.Он достал пачку. Дешёвые, крепкие, те самые, от которых потом горло дерёт. Врач сказал: бросить. Врач сказал: сосуды. Врач сказал: нельзя.— Нельзя, — повторил Юра вслух и закурил.Дым пошёл вверх, к серому небу, которого не было видно за домами. Он смотрел, как он растворяется, и думал: вот так и всё остальное. Растворяется. Запреты, слова, обещания. Всё.Он обернулся. Через стеклянную дверь было видно Женю — она спала, раскинувшись на кровати, одеяло сползло на пол. Она улыбалась во сне. Или ему показалось.«Она спит, — подумал он. — А я стою здесь и думаю о том, что мне нельзя.»Он сделал ещё затяжку.Нельзя нервничать. А как не нервничать, если каждый день по телевизору одно и то же? Если на улице одно и то же? Если в собственной голове — одно и то же, только теперь с диагнозом?Нельзя поднимать тяжёлое. А если жизнь требует? Если надо? Если иначе — никак?Нельзя бегать. А если за тобой бегут? Если надо спасаться? Если надо догнать?Не должен. Не должно.Он усмехнулся. В этом мире нельзя было вообще ничего. Нельзя опаздывать. Нельзя ездить в некоторые районы. Нельзя критиковать власть имущих. Нельзя верить никому. А теперь ещё и голове нельзя.Он докурил, потушил окурок о перила и сразу достал следующую. Руки не слушались — не от холода, от чего-то другого.Мысли шли кругом. Сначала — про врача. Потом — про работу. Потом — про отца, который умер в пятьдесят пять от того же самого, только никто тогда не говорил «атеросклероз», говорили «тромб оторвался». Потом — про мать, которая после его смерти как-то сразу сдала, ссохлась, стала меньше. Потом — снова про врача.«Тридцать лет. Никаких нагрузок, сигарет…»Юра смотрел на огонёк сигареты. Он был маленький, красный, живой. Он горел, хотя вокруг было холодно и темно. Горел, потому что ему не сказали, что нельзя.Он не заметил, как прошло два часа. Просто стоял, курил, смотрел вниз на двор, где кто-то ходил, где-то ругались, где-то играла музыка из открытого окна. Жизнь шла. Не ждала. Не спрашивала, можно ему или нельзя.Холод пробрался под футболку, по спине побежали мурашки. Он почувствовал, что замерзает. Пора было идти. Но он не шёл.Он докурил вторую. Щёлкнул пальцами — окурок полетел вниз, на мостовую, в темноту. Он смотрел, как он падает, и в голове вдруг стало тихо. Не пусто — тихо. Как будто все голоса, которые спорили в нём, вдруг замолчали. И остался только один.«Хватит.»Он сказал это не вслух. Просто подумал. И от этого слова внутри что-то щёлкнуло. Как замок, который открылся.«Хватит. С завтрашнего дня. Не с понедельника, не с нового года, не когда-нибудь. С завтрашнего.»Он не знал, что именно сделает. Не знал, как. Не знал, что из этого выйдет. Но он знал одно: он больше не будет жить по чужим правилам. Ни по правилам врача, ни по правилам системы, ни по прави-

лам этого города, который давно забыл, что такое справедливость.Он открыл балконную дверь и вошёл в квартиру. В комнате было тепло. Женя всё ещё спала. Он постоял немного, глядя на неё, потом лёг рядом и закрыл глаза.Сердце билось. Ровно, спокойно. Как будто ждало.— Завтра, — прошептал Юра в темноту. — Завтра.

Глава 2:

«В разведке учили: если что-то не сходится — ищи, кому это выгодно. Если не находишь — значит, плохо ищешь.»

Кабинет был небольшим, но душным, с окном, которое выходило во двор — точнее, в стену соседнего здания, выкрашенную серой краской. На стене кто-то когда-то нарисовал солнце. Оно было кривое, с лучами разной длины, и уже давно выцвело. Сергей смотрел на него каждый день и каждый день думал: «Кто-то ведь старался. А теперь никто не помнит, зачем.»Он сидел за столом, разбирая бумаги. Утро началось с обычного: кражи, драки, заявления, которые надо было либо закрыть, либо передать дальше. Сергей делал это быстро. Слишком быстро, как говорили некоторые. Но он не видел смысла тянуть. В разведке его учили: находишь проблему — решаешь. Не можешь решить — не берись.Он дослужился до майора в неполные тридцать пять. За спиной — военная служба, разведка, горячие точки, о которых он не любил вспоминать. В полиции ему было легко. Не потому что он был умнее других — потому что он видел то, что другие пропускали. Связи, мотивы, мелкие детали, которые не сходились. Он находил их быстро и закрывал дела раньше, чем начальство успевало спросить, как у него дела.Но сегодня что-то было не так.Среди обычных папок — краж, угонов, бытовухи — лежала одна, которую он сначала отложил в сторону. Потом вернулся. Открыл.Фотографии были чёрно-белыми. Не потому что так печатали — потому что снимали на старую плёнку, которую потом проявляли в участке. На них был труп. Точнее, то, что от него осталось.Сергей читал сводку медленно, как будто надеялся, что если он прочитает ещё раз, то что-то изменится.«Хомяк. Настоящее имя — Виктор Заславский. 1979 года рождения. Известен как участник организованной преступной группы, специализировавшейся на вымогательстве, похищениях и заказных убийствах. Отличался особой жестокостью. Ранее привлекался, но доказать ничего не удалось.»Дальше шло описание места обнаружения: хороший район. Тот самый, где живут обычные люди, где машины стоят под окнами, где дети ходят в школу. Там никогда ничего не случалось. До вчерашнего дня.«Смерть наступила в результате болевого шока. Множественные переломы костей, в том числе тех, которые обычно не ломаются при обычных травмах. Пальцы рук — следы откусывания. Предположительно, с использованием болтореза.»Сергей отложил папку и посмотрел на стену с кривым солнцем.— Опыты, — сказал он вслух. — Это не разборка. Это…Он не договорил. Слова были не нужны. Он знал, что такое разборки. Видел их. Криминальные структуры выясняют отношения — стреляют, режут, взрывают. Но это всегда быстро. Потому что цель — убить. А здесь цель была не убить. Здесь цель была сделать больно. Долго. С расчётом. С удовольствием.Он снова открыл папку. Посмотрел на фотографии. На то, как вывернуты руки. На то, как раздроблены кости. На то, что осталось от пальцев.И вдруг подумал: «А ведь Хомяк был не просто бандитом. Он был одним из тех, кто держал этот район в страхе. Кто знал всех. Кто мог нажать на нужную кнопку — и человек исчезал. И вот его нашли в хорошем районе. Разложенного. Как экспонат.»Он закрыл папку. Откинулся на стуле. В кабинете стало тихо — только часы на стене тикали, да где-то в коридоре кто-то ругался.Сергей не любил криминальные разборки. Они не входили в его планы. У него было своё: работа, дом, иногда — книги, которые он читал ночью, когда не мог уснуть. Он не хотел влезать в это. Не хотел знать, кто это сделал. Не хотел думать о том, что где-то есть человек, который умеет так ломать людей.Но он уже думал. И это было хуже всего.— Ладно, — сказал он тихо. — Посмотрим, что ты за птица.Он взял папку и направился к двери. В коридоре было шумно, но он не слышал. В голове уже выстраивалась цепочка: кто мог

знать Хомяка, кто мог до него добраться, кто мог захотеть сделать это так. И главное — почему именно сейчас. Почему именно здесь.Он не знал ответов. Но он знал, что начнёт искать.---Коридор участка был длинным, прокуренным, с лампой, которая мигала уже третий месяц. Сергей шёл быстро, папка под мышкой, взгляд — поверх голов. Люди расступались сами. Не из уважения к званию. Просто чувствовали, что лучше не вставать на пути.— Сергей Васильевич!Голос молодой, звонкий, с той торопливостью, которая бывает у тех, кто ещё верит, что успеет всё. Артём. Старший сержант. Двадцать шесть лет, светлая голова, руки, которые всё время что-то теребят — то ремень, то пуговицу, то край папки.Он догнал майора и пошёл рядом, чуть сзади, как ходят подчинённые, которым важно сказать, но не перебить.— Вы уже читали сводку про Хомяка?Сергей остановился. Медленно повернул голову.— Читал.— Там не всё, — Артём понизил голос, хотя в коридоре и так было шумно. — Там рядом с трупом ещё одна находка. Сначала не обратили внимания. Ну, знаете, как бывает — всё смотрят на тело, а по сторонам никто.— Что за находка?Артём оглянулся, будто проверял, не слушает ли кто.— Надпись. За углом дома, на стене. Метров десять от тела. Сделана мелом или обломком кирпича — точно ещё не ясно, эксперты только выехали. Но разборчиво. Очень разборчиво.— И что там?— Одно слово, Сергей Васильевич. «Наказан».Сергей молчал. В коридоре кто-то громко засмеялся, кто-то уронил папку, кто-то выругался. Но для него всё это было где-то далеко.— Наказан, — повторил он. — Не «убит». Не «крыса». Не что-то из их лексикона. Наказан.— Вот и я о том же, — быстро закивал Артём. — Это не разборка. Разборки так не заканчивают. Там либо стреляют, либо режут, либо взрывают. А тут... — он запнулся, подбирая слово. — Тут почерк. Как будто кто-то хотел, чтобы мы прочитали. Чтобы мы поняли.Сергей смотрел на него секунду. Потом кивнул.— Интересная картина намечается, — сказал Артём тише. — Если хотите — поедем вместе. Я уже машину вызвал.— Хочу, — сказал Сергей. — Показывай.---Во дворе участка стояла служебная девятка — старая, но ещё живая, с запахом бензина, который не выветривался никогда. За рулём сидел Рустам. Он был из тех водителей, которые знают всех, слышат всё и молчат ровно до того момента, когда это нужно.Сергей сел назад. Артём — вперед, с папкой на коленях, как школьник с учебником.Рустам повернул ключ, двигатель заворчал, и только тогда он обернулся к майору.— Сергей Васильевич, — сказал он, и в его голосе была та ленивая, но точная интонация, которая означает, что человек думает быстрее, чем говорит. — Это интересно, конечно. Но вы же знаете, у вас дел и без этого хватает. Зачем вам ещё один висяк? Криминальные разборки — не наша епархия. Пусть ими занимаются те, кому положено.Сергей посмотрел на него. В зеркале заднего вида мелькнули глаза Артёма — тот замер, как будто ждал ответа.— Не всё так просто в этом деле, Рустам, — сказал Сергей. — Там не просто труп. Там надпись. «Наказан». Кто-то хотел, чтобы мы это увидели.Рустам хмыкнул.— И что? Может, это просто бандиты играются. У них свои игры.— Может, — согласился Сергей. — А может, кто-то умнее бандитов. И тогда это уже не их игра. Тогда это наша.Он помолчал секунду, потом добавил:— Давай погнали. Надо увидеть мне это лично.Рустам ничего больше не спросил. Включил передачу, и машина выехала со двора — в серое утро, в город, который ещё не знал, что в нём появился кто-то, кто умеет наказывать.---К тому времени, как машина остановилась у дома, толпа зевак уже почти разошлась. Осталось несколько человек — женщина с сумкой из магазина, двое мужиков в куртках, которые стояли чуть поодаль и курили, глядя не на дом, а куда-то в сторону, будто им было неловко смотреть. Дежурная оперативная машина как раз собиралась отъезжать: мигал синий, но беззвучно, как будто даже свет старался не привлекать внимания.Сергей вышел первым. Артём — за ним, с папкой, прижатой к груди.— Серёж! — окликнули его от подъезда.Криминалист Иван Савович стоял у стены, сняв перчатки и держа их в руке, как тряпку. Пожилой, сутулый, с лицом, изрезанным морщинами так, что казалось, будто он всю жизнь щурился на что-то мелкое и неразборчивое. Он работал в структурах дольше, чем некоторые нынешние сотрудники жили на свете. И за это время видел всякое.— Тебя заинтересовало вот это

вот? — спросил он, кивнув на дом.— Заинтересовало, — сказал Сергей, подходя. — Ты что скажешь?Иван Савович помолчал. Потом посмотрел на него внимательно, как будто решал, стоит ли говорить то, что он думает.— Я за свою карьеру такого не наблюдал, — сказал он наконец. — И не то чтобы я мало видел. Видел достаточно. Но тут другое.Он показал рукой в сторону, где работали его люди.— Расправа длилась долго. Очень долго. Судя по характеру повреждений — не меньше нескольких часов. И знаешь, что странно? — он понизил голос. — Тот, кто это делал, не торопился. Он не пытался получить информацию. Он не пытался что-то доказать. Он просто... — Иван Савович поискал слово. — Ловил кайф. Понимаешь? Он наслаждался тем, что делает.Сергей молчал. Он смотрел на стену дома, на окна, за которыми жили люди.— И ещё, — продолжил криминалист. — Следов нет. Вообще. Ни отпечатков, ни волокон, ничего. И не то чтобы кто-то специально стирал — если бы стирали, остались бы следы затирания. Просто их нет. Такое ощущение, будто тот, кто это сделал, работал в перчатках. И не снимал их ни на секунду.— Профессионал? — спросил Сергей.— Не знаю, — честно ответил Иван Савович. — Может, профессионал. А может, просто человек, который знает, что делает. Но это не бандитская разборка, Серёж. Бандиты так не работают. У них другие методы.Он помолчал, потом добавил:— Спроси участкового. Он с местными общался, пока мы тут работали. Может, что-то выяснил. Он вон там, у угла.---Участковый стоял в стороне, у стены соседнего дома, и смотрел на всех с тем спокойным, чуть отстранённым видом, который бывает у людей, привыкших к тому, что их не любят, но слушаются. Невысокий, плотный, с короткой стрижкой и руками, которые, казалось, всё ещё помнят, как держать оружие. Военная выправка не исчезла — она просто спряталась под гражданской курткой.— Николаевич, — сказал Сергей, подходя.— Сергей Васильевич, — ответил тот, и они пожали руки. — Давно не виделись.— Давно, — согласился Сергей. — Ты как здесь?— Да как. — Николаевич пожал плечами. — Район тихий. Был. До сегодняшнего утра.Они отошли чуть в сторону, чтобы не слышали любопытные.— Что скажешь? — спросил Сергей. — Что-то здесь было? Разборки? Или это другое?Николаевич помолчал, глядя на дом.— Разборок здесь не было. Я этот район знаю. Тут если что и случается, то тихо. Соседи друг друга знают, чужие не заходят. А тут — такое. — Он кивнул на стену. — Никто ничего не слышал. Или говорят, что не слышали. Но я их знаю — если бы кричали, они бы услышали. Значит, либо не кричали, либо...— Либо кричали так, что никто не хотел выходить, — закончил Сергей.— Вот именно.Они медленно пошли вдоль дома, к углу. Шаги были неторопливыми, но глаза обоих работали быстро — по сторонам, по окнам, по мелочам, которые обычный человек не замечает.— А что насчёт этого? — спросил Сергей, когда они подошли к углу.На стене, чуть ниже уровня глаз, было написано одно слово. Не мелом — мел бы смазался. Обломком кирпича, остро, с нажимом. Буквы были неровные, но чёткие. Читались легко.НАКАЗАН.Сергей смотрел на него долго. Потом повернулся к Николаевичу.— Что думаешь насчёт этого?Николаевич не ответил сразу. Он тоже смотрел на слово. В его глазах было что-то, чего Сергей не видел раньше — не страх, а осторожность.— Думаю, — сказал он тихо, — что это не бандиты. Бандиты так не пишут. Бандиты вообще не пишут.— А кто пишет?Николаевич посмотрел на него.— Тот, кто хочет, чтобы мы прочитали. И, может быть, — он сделал паузу, — тот, кто хочет, чтобы мы поняли, что это только начало.Сергей снова посмотрел на слово. На кирпичные крошки под стеной, на то, как ровно лежали буквы — не спеша, с расстановкой.— Тогда нам надо найти того, кто это сделал, — сказал он. — Пока он не написал ещё что-нибудь.

Глава 3:

"Самое страшное — не когда бьют. Самое страшное — когда молчат"

Парк был старым, с аллеями, которые помнили ещё те времена, когда по ним гуляли с мороженым и фотографировались у фонтана. Сейчас фонтан не работал — чаша заросла

мхом, вода в ней стояла чёрная, с плавающими листьями. Но люди всё равно приходили сюда. Привычка.Осень только начиналась. Желтизна ещё не тронула все деревья — где-то зелень держалась крепко, а где-то уже пробивались первые рыжие пятна, как будто кто-то невидимый начал раскрашивать кроны, но бросил на полпути.Возле детской площадки было шумно. Качели скрипели, дети кричали, кто-то плакал. На скамейке сидела женщина лет двадцати пяти — в куртке, которая подчеркивала её грудь, с лицом, на котором уже давно застыло выражение усталой злости. Рядом с ней — две подруги. У всех троих в руках были пластиковые стаканчики, и запах дешёвого вина смешивался с запахом мокрых листьев.Мальчик лет семи стоял перед ней, переминаясь с ноги на ногу.— Мам, можно я на качелях? Ну пожалуйста.Женщина оторвалась от стаканчика. Посмотрела на него так, как будто он был не ребёнком, а назойливой мухой.— Ублюдок, свали. Не видишь — мама занята? Сиди тихо, пока за уши не отодрала.Мальчик не ушёл. Он стоял, и в его глазах было что-то, что бывает у детей, которые ещё верят, что взрослые могут быть другими.— Мам, ну я просто покатаюсь. И всё. Я не буду мешать.— Я кому сказала — сидеть мирно? — она повысила голос, и подруги закивали, как будто поддерживали её в важном деле. — Не дёргайся. Сначала покатайся, потом мороженое начнёшь клянчить.При слове «мороженое» мальчик оживился.— А можно мороженое?Женщина наотмашь хлестнула ребёнка ладонью по щеке. — Ты не видишь, маме плохо? — она ткнула в его сторону пальцем. — Мама лечится. А ты со своими капризами. Сиди, пока сидится. Это надо же было залететь от твоего отца дебила. И почему я только аборт не сделала? Мальчик отошёл на несколько шагов и сел на бордюр. Он не плакал. Он просто смотрел в землю, и в его позе было столько привычной обречённости, что казалось, будто он делает это каждый день. Потому что, скорее всего, и делал.Женщина повернулась к подругам. Стаканчик в её руке опустел, и она потянулась к сумке за добавкой.— Короче, девки, — сказала она, уже забыв про сына. — Надо сегодня выбраться. Мужей сбагрить — и всё. Мой вчера опять пришёл пьяный, я ему сказала, что к маме поеду. А сама — в клуб. Одна из подруг, крашеная блондинка с усталыми глазами, оживилась.— О, я тебе расскажу! У меня на работе начальник — ну такой, в годах, но ещё ого-го. Он меня в баню пригласил. Сказал, что просто посидеть, чай попить. А там — и охрана его, и он... — она засмеялась, отхлебнула из стаканчика. — В общем, незабываемый вечер. Я такого секса давно не видела. И с начальником, и с охранниками. Они там все... — она мечтательно закатила глаза.Вторая подруга, худая, с сигаретой в зубах, хмыкнула.— А что, неплохо устроилась. Может, и нас с собой возьмёшь?— Да запросто! — блондинка махнула рукой. — Давайте все вместе созвонимся на днях. Проведём вечер. Мужья пусть дома сидят, а мы...Они засмеялись. Три женщины, три стаканчика, три жизни, которые давно шли не туда. Мальчик на бордюре поднял голову, посмотрел на них и снова опустил. Он уже не просил качели. Он просто сидел.---Через несколько скамеек от них, в тени старого клёна, сидел мужчина. Обычный. В куртке, в кепке с зажжённой сигаретой. Он просто сидел и наблюдал.Он видел всё: как мать оттолкнула сына, как она пила, как смеялась с подругами, как рассказывала про начальника и охранников, как мальчик сидел на бордюре и смотрел в землю. Он слышал каждое слово — они говорили громко, не стесняясь.Его лицо не выражало ничего. Ни гнева, ни жалости. Только внимание. То самое внимание, с которым смотрят на что-то, что уже решили изучить. Он сидел неподвижно, и только пальцы его правой руки медленно постукивали по колену — раз, два, три. Как метроном.Он дождался, пока женщины допьют, пока мать, шатаясь, поднимется со скамейки и, схватив сына за руку, потащит его прочь. Мальчик шёл, спотыкаясь, но не плакал.Мужчина проводил их взглядом. Потом встал, поправил кепку и пошёл в другую сторону — не за ними, а мимо, к выходу из парка. Его шаги были ровными, спокойными. Как у человека, который знает, куда идёт.---Она открыла глаза.Первое, что она почувствовала, — холод. Не тот, что на улице, а другой — сырой, идущий от бетона, от стен, от самого воздуха. Потом — что руки не слушаются. Не потому что онемели, а потому что связаны. За спиной. Туго.Она попыталась пошевелиться. Тело не слушалось. Голова гудела, во

рту был металлический привкус. Она помнила, как пришла домой, как сказала мужу, что идёт гулять, что он никто и пусть сам своего выблядка кормит и кладёт спать, а она ещё слишком молода, чтобы растрачивать жизнь на них. Помнила, как хлопнула дверью, вышла из подъезда. А дальше — провал.Теперь она была здесь. Где — не знала. Вокруг — серые стены, тусклый свет, и тишина, в которой слышалось только её собственное дыхание.— Очнулась.Голос. Спокойный, ровный, без злости. Он звучал так, будто человек говорил о погоде.Она дёрнулась, пытаясь повернуться.— Ты кто, блядь, такой? — крикнула она. Голос сорвался, но она не остановилась. — Какого хуя ты меня связал?— Заткнись, — сказал человек.Всё так же ровно. — Ты сама пришла к этой ситуации.— Меня искать будут! — она попыталась пнуть воздух, но ноги тоже были связаны. — Тебе яйца за меня оторвут, пидорас!— Ругаться бессмысленно, — прозвучало в ответ. — Ещё раз повторяю: ты сама виновата в этой ситуации.— Что я тебе сделала, тварь?Пауза. Человек не подошёл. Не ударил. Просто стоял где-то в полумраке, и его голос шёл оттуда, ровный, как метроном.— Не мне. — неизвестный сделал шаг. — Ты хотела развлечься? Тебя не устраивает спокойная семейная жизнь? Готовься к развлечениям.Она не успела ответить. Человек подошёл — быстро, без замаха — и прижал что-то холодное к её шее, чуть ниже челюсти. Укол. Резкий, короткий.Она открыла рот, чтобы закричать, но звук не вышел. Только хрип. Сдавленный, беспомощный. Она попробовала снова — и снова только мычание, будто горло сжали изнутри.Собравшись с силами, она выдавила из себя, почти шёпотом:— Что… ты… сделал?Мучитель убрал руку. Посмотрел на неё сверху вниз. В его глазах не было ни удовольствия, ни жалости.— Успокойся. Это всего лишь анестетик. Он расслабит твои голосовые связки. Ты не сможешь кричать.Тот кто притащил ее сюда отошёл на шаг. Она смотрела на него, и в её глазах был страх — настоящий, животный, тот, который не притворяются. Такой, какой бывает у человека, который впервые понял, что его никто не спасёт. Над ней стоял человек, одетый в плотный комбинезон, лицо скрывал респиратор.— А теперь, — раздалось сквозь фильтры, — мы поговорим.---Юра шёл домой спокойным шагом.Не тем спокойным, когда человек торопится и сдерживается, чтобы не бежать, — а тем, когда внутри действительно тихо. Ни тревоги, ни зуда в груди, ни голоса врача, который весь день бубнил своё «нельзя». Просто улица. Просто вечер. Просто он.Он смотрел по сторонам без раздражения, которого раньше было столько, что оно стало фоном. Мимо прошли двое подростков с сигаретами, кто-то ругался у ларька, где-то орала музыка из открытого окна. Всё это было как прежде, но теперь — не задевало. Будто он смотрел на всё через стекло.Поднялся по лестнице. Лифт, как всегда, не работал, и он шёл пешком на свой этаж, не чувствуя усталости. Ключ повернулся легко. Дверь открылась в тишину.Жени не было. Она ещё на работе. Значит, есть время.Он не стал включать свет в коридоре — только в ванной. Не спеша снял куртку, повесил. Разделся, аккуратно сложив вещи, как будто это было важно. Открыл кран, умылся. Вода была холодной, но он не поморщился — наоборот, почувствовал, как внутри что-то проясняется. Помыл руки. Посмотрел на себя в зеркало.Оттуда смотрел человек, которого он знал всю жизнь. Тридцать лет. Усталое лицо, седина у висков, которой он раньше не замечал. Глаза — те же. Но в них появилось что-то новое. Не злость. Не отчаяние. Спокойствие. То самое, которое бывает у человека, который всё решил.Он переоделся в домашнее — старые штаны, растянутую футболку. Вышел в комнату, сел в кресло. Не включил телевизор. Просто сидел, и в голове шли мысли, но не роем, не суматохой, а ровно, по одной.«Нужно ли мне это? — думал он. — Может, я просто устал? Может, завтра пройдёт?»Он честно подержал эту мысль. Дал ей место. И сам же ответил: нет. Не пройдёт. Потому что дело не в усталости. Дело в том, что он больше не может смотреть на всё это и делать вид, что так и надо.«Значит, выбор сделан. И он верный.»Мысли не метались. Не спорили. Они просто сошлись в одну точку, и в этой точке было тихо.И в этой тишине — щелчок в дверях.— Юра! — Голос Жени был звонким, взбудораженным, как будто она вбежала на этаж бегом. — Ты уже дома?Она появилась в дверях комнаты, с сумкой в руке, в куртке нараспашку, с раскрасневшимися от улицы щеками.

— Ты не представляешь, что у нас творится! — выпалила она, не успев даже раздеться. — Я сейчас тебе такое расскажу — закачаешься.

Глава 4:

«Если в первый раз это было послание, то во второй — уже почерк. А почерк не меняется.»

Телефон зазвонил в темноте.Сергей открыл глаза сразу — не как человек, которого разбудили, а как тот, кто никогда не спал по-настоящему глубоко. Рука сама нашла трубку на тумбочке.— Мефёдов, — сказал он в трубку. Голос был хриплый, но ровный.— Ты спишь? — Голос начальника был коротким, без предисловий, как всегда. — Давай просыпайся. У нас свежак. И опять что-то с этими наказаниями. Ноги в руки — и вперёд.Сергей сел на кровати. В комнате было темно, только уличный фонарь бросал на потолок жёлтое пятно.— В двух словах, — сказал он.— В двух кварталах от Хомяка. Женщина. Лицо — как будто кто-то очень долго и очень старательно бил по нему ладонью. И надпись. Та же история.— Понял.Он положил трубку.В соседней комнате спала сестра. Дверь была приоткрыта, и оттуда доносилось ровное дыхание. Он одевался в темноте, не включая свет, — привычка, которая осталась с тех времён, когда он жил в казарме и умел собираться бесшумно. Джинсы, куртка, ботинки. Ключи взял со стола, а не с гвоздя у двери, чтобы не звякнули.Вышел на лестничную площадку. Закрыл дверь тихо. Только на улице, под фонарём, позволил себе выдохнуть.У подъезда уже стояла дежурная машина. В ней — Артём. Заспанный, с помятым лицом, но с папкой на коленях, как всегда.Сергей сел на своё привычное место впереди.— Что где? — спросил он, не оборачиваясь.Артём открыл папку. Голос у него был ещё сонный, но он говорил чётко — привык докладывать, даже когда не выспался.— Два квартала от места, где нашли Хомяка. Тот же район. Двор, за гаражами. Женщина. Лицо обезображено — такое ощущение, что кто-то упорно пытался нанести как можно больше пощёчин. Много. Очень много. Словно бил, пока хватало сил. Или пока не надоело.— Что насчёт наказания?— Та же история, Сергей Васильевич. На стене надпись. «Наказана». Почерк тот же — обломком кирпича, с нажимом.Сергей молчал. Машина выехала со двора, и жёлтые фонари поплыли по стеклу.— Кто она? — спросил он наконец.— Татьяна Милявская, 27 лет, замужем, есть сын, нигде не работает, завсегдатая ночных клубов. Соседи говорят, что видели её в парке днём. С ребёнком. И с подругами. Выпивали.Сергей повернул голову.— С ребёнком?— С мальчиком. Лет семи. Соседи сказали, что она с ним не очень-то… — Артём запнулся, подбирая слово. — Не очень-то хорошо обращалась. Кричала. Один раз ударила.Тишина в машине стала другой. Плотнее.— Значит, — сказал Сергей медленно, — он был там. В парке. Смотрел. Выбирал.— Кто «он»?Сергей не ответил. Он смотрел вперёд, на дорогу, которая уходила в темноту.— Ничего, — сказал он. — Приедем — посмотрим.---Машина остановилась у двора. Сергей вышел первым, даже не дождавшись, пока Артём закроет папку. Он шёл быстро, но не бежал — так, как ходят люди, которые знают, что уже никуда не опоздают, но всё равно торопятся.Тело ещё не накрыли. Женщина лежала на асфальте, между гаражами, в той позе, которую он уже видел на фотографиях с Хомяком — аккуратно, ровно, будто кто-то уложил её специально. Лицо было разбито так, что черты стёрлись. Оставалось только что-то серое, бесформенное, похожее на маску.Иван Савович стоял рядом, в перчатках, с фонарём. Когда Сергей подошёл, он поднял глаза и выдохнул:— Серёжа, тебя тоже дёрнули? Это уже система прямо какая-то.— Что здесь? — спросил Сергей, присаживаясь на корточки.— Удары наносились плоским предметом. То ли пластик, то ли резина — что-то такое. Следы характерные. И, как и в прошлый раз, ни отпечатков, ни волокон. Ничего. — Он помолчал. — И кстати, насчёт прошлого жмура мы выяснили, почему никто не слышал криков. Скорее всего, здесь схожая ситуация. Обрати внимание.Он посветил фонарём на шею женщины. Чуть ниже челюсти — маленький след. То ли укус, то

ли укол. Едва заметный, но чёткий.— Скорее всего, анестетик, — сказал Иван Савович. — Такой, который парализует связки. Расслабляет. Не даёт ни говорить, ни кричать. Человек в сознании, всё чувствует, но голоса нет.Сергей смотрел на след. Потом на лицо женщины — то, что от него осталось.— То есть наш клиент знаком с медициной, — сказал он.— Возможно, да, — согласился криминалист. — А может, ему по жизни случалось с этим сталкиваться. Всякое бывает.— А где надпись?Иван Савович не стал показывать рукой. Просто кивнул вниз, на ноги женщины.— Прямо между ними.Сергей посмотрел. На асфальте, между раздвинутых ног, было написано тем же почерком: НАКАЗАНА. Буквы шли ровно, и читались чётко.— То есть ты хочешь сказать, что её ещё и изнасиловали? — спросил Сергей.— Нет, нет, Серёжа. Здесь не изнасилование. Здесь... — Иван Савович помолчал, подбирая слова. — Как бы тебе это объяснить. Посмотри сам.Сергей наклонился ближе. Туда, куда указывал фонарь. Влагалище женщины было покрыто какой-то серой массой. Тёмно-серой, плотной, с крупинками.— Что это?Криминалист выпрямился. Посмотрел на него. В его глазах не было ни удивления, ни шока — только усталость человека, который видел слишком много, чтобы чему-то удивляться.— Не поверишь, Серёжа. Бетон.Сергей молчал. Ветер шуршал мокрыми листьями, где-то далеко завыла собака. Он смотрел на серую массу и чувствовал, как внутри что-то сжимается — не от отвращения, а от понимания.— Он не просто убивает, — сказал он тихо. — Он... затыкает. Чтобы не говорили. Чтобы не рожали. Чтобы не были женщинами.— Или чтобы наказать так, чтобы запомнили, — добавил Иван Савович.Сергей поднялся. Отряхнул колени. — Артём, — позвал он.Тот подошёл, бледный, с папкой, которую держал так, будто она стала тяжелее.— Что у нас по мальчику? — спросил Сергей.— Соседи говорят, он с отцом. Они живут в соседнем доме. Мы ещё не говорили с ним.— Поговорим. Утром. — Сергей посмотрел на тело ещё раз. — И найди мне всё, что есть по этому району. Камеры, свидетели, кто что видел. Он был здесь. Он знал, что она придёт сюда. Значит, он следил.Он повернулся и пошёл к машине. Артём — за ним.— Сергей Васильевич, — окликнул его Иван Савович. — Ты думаешь, это тот же, что и Хомяка?Сергей остановился. Обернулся.— Я думаю, это только начало.---В отдел Сергей вернулся, когда за окнами ещё стояла та серая предрассветная муть, в которой не поймёшь — то ли ночь заканчивается, то ли утро никак не начнётся. Он не поехал домой. Смысла не было: сестра спала, а он знал, что всё равно не уснёт.Кабинет встретил его запахом старой бумаги и остывшего чая. Он сел за стол, даже не сняв куртку, и какое-то время просто смотрел в стену перед собой. На кривое солнце, нарисованное когда-то давно кем-то, кто уже не помнил, зачем.Потом достал папку. Открыл. Разложил фотографии — Хомяк и Татьяна. Два разных человека, две разные жизни, одна и та же смерть. Аккуратно уложенные тела. Одно и то же слово на стене.Он думал о том, что движет человеком, который делает такое.Не деньги. Деньги оставляют следы — счета, долги, посредники. Не ревность. Ревность — это эмоция, а эмоция всегда спешит, всегда ошибается, всегда оставляет что-то лишнее. Здесь ничего лишнего не было. Здесь была методичность. Часы работы. Терпение. Перчатки, которые не снимали ни на секунду.Сергей провёл пальцем по фотографии Татьяны. Лицо, разбитое ладонью. Много раз. Не кулаком — ладонью. Как бьют не за то, что человек сделал, а за то, что он есть. Как наказывают не тело, а саму суть.«Он не торопился, — думал Сергей. — Он не боялся, что его застанут. Он знал, что успеет. А это значит...»Он не успел додумать.Дверь распахнулась. Артём влетел в кабинет, даже не постучавшись, — лицо красное, глаза блестят, папка в руке, из которой торчит уголок протокола.— Нашли! — выпалил он с порога.Сергей поднял голову. Медленно. Без раздражения — он давно понял, что если Артём влетает так, значит, есть из-за чего.— Что нашли?— Орудие! Ну, то, чем он её... — Артём запнулся, но тут же поправился: — Чем её бил. Валялась буквально в соседнем дворе. Мы прочёсывали территорию, и вот.— И что это?Артём выдохнул. Перевёл дух. И сказал так, будто сам до сих пор не мог поверить:— Ласта.Сергей молчал.— Обычная резиновая ласта, — повторил Артём. — Ну, для плавания. Такая, знаете, чёрная, с пятки. Мы её в пакет, всё как положено. Иван Савович

уже смотрит. Говорит, следы совпадают. Плоский предмет, резина. Всё сходится.Сергей медленно откинулся на спинку стула.Ласта.Он представил. Человек стоит над женщиной, в руке — резиновая ласта. И бьёт. Спокойно. Раз за разом. По лицу. Не кулаком — ластой. Так, чтобы было больно, но не так, чтобы сразу убить. Так, чтобы унизить. Чтобы наказать.— Он не прятал её, — сказал Сергей тихо. — Он её бросил. В соседнем дворе. Как будто она ему больше не нужна.— Может, просто не успел? — предположил Артём.— Нет. — Сергей покачал головой. — Он не боялся, что его застанут. Он знал, что у него есть время. Он всё рассчитал. И когда закончил — просто пошёл дальше. А ласту выбросил. Потому что она сделала своё дело.Он замолчал. В кабинете стало тихо — только часы на стене тикали, да где-то в коридоре кто-то включил чайник.— Артём, — сказал он наконец. — Ты понимаешь, что это значит?— Что?— Что он не убийца. — Сергей поднял глаза. — Убийца прячет орудие. Убийца заметает следы. А этот... Он как будто оставляет нам улики. Как будто хочет, чтобы мы шли по его следу. Как будто... — он помолчал, подбирая слово, — ...как будто он учит.Артём смотрел на него, и в его глазах было что-то среднее между страхом и восхищением.— И что нам делать?Сергей встал. Подошёл к окну. За стеклом уже начинало светлеть — серое, вялое, но всё-таки утро.— Для начала — найти того, кто видел его в парке. Мальчика. Отца. Соседей. Кто-то же должен был хоть что-нибудь видеть.Он обернулся.— И ещё. Проверь мне все аптеки и больницы в округе. Кто покупал анестетики. Кто имеет доступ. Медик он или нет — но он знает, что делает.— Понял. — Артём уже развернулся к двери, но Сергей остановил его.— Артём.Тот обернулся.— Узнай, всё что есть про Заславского, Хомяка. Где он был перед тем, с кем говорил, были какие инциденты.— Думаете, он наблюдал за ним?Сергей посмотрел на него.— Я думаю, он находит жертвы не просто так. И когда снова объявится, — мы должны быть готовы.

Глава 5:

«Дремлет за горой мрачный замок мой, душу мучает порой царящий в нём покой»

Юра проснулся от того, что в комнате было слишком светло.Не ярко — просто светло. Серый утренний свет, который в этом городе заменял солнце, лежал на потолке, на стенах, на её подушке. Женя уже встала. Где-то на кухне гудел чайник, гремели чашки, и её голос — она что-то напевала, тихо, себе под нос — доносился сквозь приоткрытую дверь.Он лежал на спине и смотрел в потолок. Голова была тяжёлой. Не болела — просто была тяжёлой, как будто внутри неё кто-то оставил кирпич. Врач сказал, что так бывает. Врач сказал, что нужно беречь себя.Он не хотел думать о враче.Он думал о вчерашнем вечере. О том, как Женя влетела в комнату — раскрасневшаяся, с сумкой в руке, с глазами, которые горели. Она редко так горела. Обычно она приходила усталая, молчаливая, и весь вечер был как продолжение рабочего дня — медленный, серый, без событий.А вчера — нет.— Ты не представляешь, что у нас творится! — сказала она тогда, сбросив сумку на пол и даже не сняв куртку. — Я сейчас тебе такое расскажу — закачаешься.Он сидел в кресле, не включая телевизор. Она села напротив, на край дивана, и начала говорить.— К нам вчера привезли труп. Ну, то есть как труп — то, что от него осталось. Я такое видела, конечно. Всякое видела. Но это… — она покачала головой. — Это не просто убийство, Юр. Это как будто кто-то очень долго и очень старательно ломал человека. Кости — не просто сломаны. Они раздроблены. В тех местах, где их вообще сложно сломать. Пальцы — ты знаешь, что такое болторез? Это когда берут и откусывают. По одному.Юра слушал. Он не морщился. Он давно привык к её рассказам — она работала в анатомичке, в морге, и то, что для других было ужасом, для неё было работой. Она приходила домой и говорила о трупах так, как другие говорят о погоде. Не потому что была чёрствой. А потому что иначе нельзя было.— И знаешь, что самое странное? — продолжала она. — Наши сначала подумали — разборка. Ну, знаешь, криминальные разборки. Но это не разборка. Разборки так не заканчивают. Там либо стреляют, либо режут. А тут… — она помолчала, подбирая слово.

— Тут почерк. Как будто кто-то хотел, чтобы мы прочитали. Чтобы мы поняли.— И что вы поняли? — спросил он тогда.— Пока ничего. — Она пожала плечами. — Но вечером, когда я уже собиралась домой, мне сказали, что похожие происшествия уже есть. Ещё одно. И утром нас будет ждать работа. Так что завтра я, наверное, приду поздно. Ещё и физо на днях.Юра помнил, как она это сказала. Помнил, как она улыбнулась — устало, но с каким-то странным удовольствием, как будто эта работа, при всей её тяжести, была единственным, что давало ей ощущение, что она что-то значит. Помнил, как она встала, чтобы пойти на кухню, и как он схватил её за руку.А потом — спальня. И темнота. И сон.Он помнил это.Но когда он попытался вспомнить, что было после — после того, как она уснула, — в голове было пусто.Не туман. Не обрывки. Просто пусто. Как будто кто-то взял и вырезал кусок времени. Он помнил, как лежал рядом с ней, как смотрел в потолок, как сердце билось быстро и неровно. А потом — ничего.Он помнил, как шёл домой. Помнил, как подходил к подъезду. Помнил, как открыл дверь, как разделся, как мыл руки в ванной, как смотрел на себя в зеркало.А между этими двумя моментами — провал.Юра сел на кровати. Медленно. Голова была тяжёлой, и в висках что-то стучало — не боль, а как будто кто-то изнутри стучал в стенку.— Юр, ты встаёшь? — донеслось с кухни. — У меня через полчаса уже выезд.— Встаю, — сказал он. Голос был хриплый.Он посмотрел на свои руки. Обычные руки. Ничего на них не было. Ни крови, ни грязи. Ничего.Он попытался вспомнить ещё раз. Напрягся. Закрыл глаза.Пусто.Врач сказал: «Возможны провалы в памяти». Врач сказал: «Церебральный атеросклероз». Врач сказал: «Транзиторная ишемическая атака».Юра открыл глаза.— Юр, ты чего там? — Женя уже стояла в дверях, с чашкой в руке, в куртке. — Ты какой-то бледный.— Ничего, — сказал он. — Голова тяжёлая.Она подошла, потрогала его лоб — как трогают ребёнка, у которого жар.— Ты вчера поздно лёг?Он посмотрел на неё. На её лицо, на её глаза, на то, как она держит чашку — так же, как держала ложку вчера за ужином.— Не помню, — сказал он.Она замерла. На секунду. Потом улыбнулась.— Ну, значит, хорошо спал. — Она поставила чашку на тумбочку. — Ладно, я побежала. Вечером расскажу, что там у нас. — Она наклонилась, поцеловала его в щёку. — Не забудь поесть. И выпей чего-нибудь от простуды, на всякий случай.Он кивнул. Она ушла. Дверь хлопнула.Юра остался сидеть на кровати. Смотрел на свои руки.Пусто.Он попытался вспомнить ещё раз. Ничего.Но где-то глубоко, на самом дне, было что-то ещё. Не воспоминание. Не картинка. Просто ощущение — смутное, как запах, который чувствуешь, но не можешь назвать. Как будто он что-то сделал. Что-то важное.Или что-то страшное.Он не знал. И это было хуже всего.---Ветеринарная клиника пахла не так, как люди представляют себе больницу. Здесь не было йода и хлорки — здесь пахло сеном, лошадиным потом, кожей и чем-то тёплым, живым. Запах, который Юра знал лучше, чем запах собственной квартиры.Он пришёл на работу раньше всех. В коридоре было тихо, только в дальнем боксе фыркала лошадь — старая кобыла по кличке Ласточка, которую хозяин конюшни привёз вчера вечером с воспалением сухожилия. Юра заглянул в бокс, проверил повязку, погладил её по шее. Ласточка мотнула головой, но не отстранилась. Привыкла.В кабинете начальника — Виктора Петровича — горел свет. Он всегда приходил рано. Старый ветеринар, проработавший здесь больше тридцати лет, он знал Юру ещё с тех пор, когда тот был практикантом — зелёным, худым, с руками, которые дрожали, когда он впервые держал скальпель. С тех пор прошло много лет. Виктор Петрович постарел, но глаза у него были всё те же — внимательные, спокойные, как у человека, который видел слишком много, чтобы удивляться.Юра постучал. Вошёл.— Виктор Петрович, можно? — Заходи, — сказал тот, не поднимая головы от бумаг. — Ты чего в такую рань? Ласточка?— Ласточка нормально. Повязку поменял. — Юра помолчал. — Я не по этому.Виктор Петрович поднял глаза. Отложил ручку.— Садись, — сказал он. — Что-то случилось?Юра сел. Достал из кармана сложенный лист бумаги — заявление, написанное ещё вечером, ровным почерком, без помарок.— Я хотел попросить отпуск. За свой счёт. На две недели. Может, на три.Виктор Петрович взял лист, но не развернул. Смотрел на Юру.— За свой счёт? — переспросил он. —

Ты никогда не брал отпуск за свой счёт. Даже когда болел. Даже когда мать хоронил.— Знаю. — Что случилось, Юр?Юра смотрел на свои руки. На пальцы, которые привыкли к работе — к шприцам, к бинтам, к тёплой коже животных. Он не знал, как сказать.— Я был у врача, — сказал он наконец. — Мне поставили диагноз. Церебральный атеросклероз. Это сосуды головного мозга. Они изношены. В тридцать лет. — Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Врач сказал, что это может привести к микроинсульту. К провалам в памяти. К головокружениям. И что мне нельзя… — он запнулся. — Много чего нельзя.Виктор Петрович молчал. В кабинете было тихо — только часы на стене тикали, да за окном кто-то проехал на машине.— И ты думаешь, что не сможешь работать? — спросил он.— Я не знаю. — Юра поднял глаза. — Я не хочу подвести вас. Или животных. Если у меня в руках будет скальпель, а в голове — провал… — он не договорил.Виктор Петрович откинулся на спинку стула. Посмотрел на него долго, внимательно — так, как смотрят на лошадь, которая прихрамывает, но ещё не призналась в этом.— Юр, — сказал он тихо. — Я тебя знаю двенадцать лет. Ты один из лучших, кто у меня работал. Не потому что у тебя руки золотые — хотя они у тебя золотые. А потому что ты видишь. Ты чувствуешь животное. Ты знаешь, когда оно боится, когда ему больно, когда оно просто устало. Это не в голове. Это в тебе. И никакой атеросклероз этого не отнимет.— А если отнимет? — спросил Юра.— Тогда мы будем думать. — Виктор Петрович развернул заявление, посмотрел на него. — Две недели. Может, три. Хорошо. Но с одним условием.— Каким?— Ты не просто сидишь дома. Ты приходишь сюда. Раз в неделю. Просто смотришь. Проверяешь Ласточку. Может, ещё кого. Не работаешь — просто смотришь. Чтобы не потерять руку. И чтобы я видел, что ты в порядке.Юра хотел возразить. Но не стал.— Хорошо, — сказал он.Виктор Петрович кивнул и подписал заявление. Протянул ему.— И ещё, — сказал он, когда Юра уже встал. — Ты не думай, что ты один. Я знаю, что это звучит как дежурная фраза. Но я серьёзно. Если что-то случится — звони. В любое время.— Спасибо, — сказал Юра. Он вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.В коридоре он постоял секунду. Прислонился к стене. Голова была тяжёлой. В висках стучало.Он посмотрел на заявление в руке. Две недели. Может, три. Время, чтобы привести себя в порядок. Время, чтобы понять, что делать дальше.Время, чтобы вспомнить, что он забыл.---Кабинет Юры был маленьким, но своим. Стол у окна, шкаф с инструментами, полка с книгами — старыми, потрёпанными, многие ещё с института. На стене — фотография лошадей, сделанная несколько лет назад. Рядом — снимок самого Юры, молодого, смеющегося, с рукой на шее лошади.Он открыл нижний ящик стола и начал складывать в сумку то, что давно хотел забрать домой. Несколько книг, которые всё время забывал. Старый стетоскоп, который ему подарили на выпускной. Папку с записями — лекции, которые он вёл для практикантов. Мелочи, которые накапливаются годами и которые жалко выбросить.Он не слышал, как открылась дверь.— Юрчик?Он поднял голову. Анна стояла в дверях — в белом халате, с растрёпанными волосами, с чашкой кофе в руке. Она работала с ним уже пять лет. Они познакомились ещё в институте, на первом курсе, когда она уронила учебник анатомии ему на ногу, а он вместо того, чтобы ругаться, помог ей собрать рассыпавшиеся страницы. С тех пор они были друзьями. Не любовниками, не просто коллегами — друзьями, которые знают друг о друге больше, чем говорят вслух.— Ты чего в такую рань? — спросила она, входя. — И почему с сумкой?Юра не стал ничего объяснять. Просто продолжил складывать вещи.— Беру отпуск, — сказал он. — На две-три недели. За свой счёт. — Отпуск? — Анна поставила чашку на стол, села на край стула. — Ты? Ты же никогда не берёшь отпуск. Даже когда болеешь, приходишь.— Семейные обстоятельства, — сказал он. — Надо разобраться.Она смотрела на него. В её глазах было что-то, чего он не хотел видеть — не жалость, а внимание. Такое же, как у Виктора Петровича, только мягче.— Юрчик, — сказала она тихо. — Ты же знаешь, что я не отстану. Что случилось?— Анечка, — он посмотрел на неё. — Я не могу сейчас объяснить. Правда. Просто поверь, что мне нужно время. — Он помолчал. — Я скажу Виктору Петровичу, что ты меня подменишь. Если сможешь, конечно. Я не хочу,

чтобы наши подопечные остались без присмотра.Она помолчала. Потом кивнула.— Хорошо. Подменю. — Она встала, подошла к нему, положила руку на плечо. — Но ты знаешь, что ты у нас лучший, да? Не потому что я так говорю. А потому что это правда. Все так думают.— Спасибо, — сказал он.— И не затягивай с отпуском, — добавила она, улыбнувшись. — Мы все тебя ждём. Лошади без тебя нервничают. Вчера кобыла копытом била, когда я заходила.Юра улыбнулся — первый раз за утро. Настоящей улыбкой.— Передай ей, что я скоро вернусь.Он взял сумку и вышел из кабинета. В коридоре было всё так же тихо. Ласточка фыркнула ему вслед, когда он проходил мимо бокса. Он остановился на секунду, посмотрел на неё.— Я вернусь, — сказал он тихо. — Обещаю.И вышел на улицу.Утро было серым, но не тяжёлым. Где-то вдалеке, за домами, угадывался свет — не солнце, а просто свет, который появляется, когда ночь заканчивается. Юра постоял на крыльце, вдыхая холодный воздух. Голова была тяжёлой, но в ней стало чуть тише.Он не знал, что будет делать дальше. Не знал, как будет жить с этим диагнозом. Не знал, вспомнит ли когда-нибудь, что произошло вчера вечером.Но он знал одно: он больше не будет сидеть и ждать.Он поправил сумку на плече и пошёл вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.